

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия
УДК 316.7
doi: 10.17223/2312461X/40/9

Наличие гражданского общества – фундаментальная характеристика нации

Бондаренко Д.М. Постколониальные нации в историко-культурном контексте. М.: Изд. Дом ЯСК, 2022. 400 с., илл.
ISBN: 978-5-907498-42-6

Для цитирования: Филиппова Е.И. Наличие гражданского общества – фундаментальная характеристика нации // Сибирские исторические исследования. 2023. № 2. С. 194–201. doi: 10.17223/2312461X/40/9

For citation: Filippova, E.I. (2023) The Existence of Civil Society – The Fundamental Characteristic of a Nation (Review of Bondarenko, D.M. Postkolonial'nye natsii v istoriko-kul'turnom kontekste [Post-colonial nations in the historical and cultural context]. Moscow: Izd. Dom YaSK, 2022. 400 p. ISBN: 978-5-907498-42-6). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 194–201. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/40/9

В вышедшей в самом конце 2022 г. книге известный ученый-африканист Д.М. Бондаренко ставит вопрос о природе нации, общества и государства на новом – постколониальном этапе исторического развития. Очерчивая для себя контуры этого исследования, автор сначала

последовательно сужает границы, включая в сферу своего интереса только страны, являвшиеся колониями между второй половиной XIX и второй половиной XX в. и получившие независимость после 1945 г., причем лишь те, чьими метрополиями были государства Запада, а из них – исключительно страны Азии и Африки, наконец, страны, находившиеся именно в колониальной зависимости, а не так называемые полукolonии (с. 10–11), – а затем расширяет их, проводя мысль о том, что постколониальным следует считать весь современный мир (с. 13).

В центре повествования – три конкретных случая, три африканских страны: Танзания, Замбия и Уганда, где автор вел полевые исследования в период с 2003 по 2018 г. Все они были британскими колониями, независимость получили почти одновременно, в 1961–1964 гг., в географическом отношении образуют цепочку: Танзания граничит с Угандой на севере и с Замбией – на юге. Однако специфика и успехи нациестроительства трех стран за истекшие шесть десятилетий различны.

Танзания подошла «ближе других африканских стран к появлению нации в ее классическом новоевропейском стиле» (с. 150). Причины этого Д.М. Бондаренко видит в отсутствии целого ряда препятствий: крупных доколониальных политических образований на нынешней территории государства, что способствовало успешной нейтрализации «племенного вопроса» путем интегрирования относительно слабых вождей в систему институтов государственного управления; катастрофических разрывов в уровне развития регионов государства; численно доминирующего народа при низком в целом уровне значимости этнической идентификации; деления на «христианские» и «мусульманские» народы при светском характере государства. Все это позволило «воплотить в жизнь принцип этнического и религиозного равенства, не допустив превращения этничности и религии в главный фактор объединения и разъединения граждан, и сформировать национальную идентичность» (с. 162). Особую роль сыграло наличие в государстве общей культурной платформы – языка суахили, позволившее с помощью политики «лингвистического национализма» – ограничения использования «племенных» языков вплоть до их полного исключения в образовании, СМИ и политике (с. 158) разорвать связь между языком и этничностью и утвердить суахили в качестве языка нации (с. 156). Важны при этом, подчеркивает автор, не только его автохтонность, но и «равноудаленность» по отношению к жителям государства: в отсутствие господствующего этноса суахили не является доминантным языком, а потому его использование не провоцирует «межэтнических» конфликтов. О нарастающей культурной близости большинства народов Танзании свидетельствует высокая степень интенсивности позитивного общения людей разного этнического происхождения и религиозной принадлежности, в том числе брачных и родственных связей

между ними (с. 154, 199). Определенное объединяющее значение имеет и то обстоятельство, что «танзанийский национальный миф уходит в доколониальные времена» (с. 204), однако у него есть и оборотная сторона: часть афротанзанийцев не считают членами своей нации представителей этнорасовых меньшинств – «индийцев» и арабов (с. 172–173).

В отличие от Танзании, Замбии и Уганде повезло меньше: здесь гораздо большую роль играет этничность, в частности наличие доминирующих еще с доколониальной эпохи этносов (соответственно бемба и ганда); сильно разделение населения по религиозному принципу; сохраняется власть традиционных вождей, не интегрированных в государственные политические институты; в отсутствие автохтонной объединяющей культурной платформы таковой может стать только колониальное культурное наследие, в том числе английский язык (с. 171). При этом, отмечает Д.М. Бондаренко, в Уганде можно было бы, как и в Танзании, сделать ставку на продвижение достаточно распространенного в стране суахили, но этому мешает то, что у государства нет внятной языковой политики (с. 172).

Подробному рассмотрению трех африканских стран в сравнительной перспективе предшествуют две теоретические главы: «Феномен нации и эпоха модерна (Нового времени)» и «Колониализм – постколониализм – нации», в которых автор рассуждает о том, чем отличается нация от других социокультурных общностей и национальное государство – от других форм политической организации, а также о том, что является необходимыми условиями для формирования наций и национальных государств, а что – препятствиями на этом пути. Глубокая и разносторонняя эрудиция и огромный объем привлеченной литературы (библиографический список занимает почти 100 страниц) позволяют ему включить в анализ античные полисы, европейские нации Нового времени и нации Нового Света, доколониальные, колониальные и постколониальные общества и государства Азии и Африки. Тем самым Д.М. Бондаренко вносит собственный вклад в дискуссию о том, что есть нация. Дискуссия эта начата давно, но в ней не только не поставлена точка (что, видимо, невозможно), но и не видно признаков консенсуса.

Отказываясь отождествлять нацию с государством и тем более – видеть в ней государственно оформленный этнос; не считая культурную гомогенность ни условием формирования нации, ни ее признаком, а поликультурность/полиэтничность – препятствием для ее существования; отвергая телеологизм неизбежности формирования наций по западному образцу в пользу утверждения «темпорального и регионально-неоднобразия» и невечности феномена нации (с. 17), Д.М. Бондаренко постулирует фундаментальную характеристику нации, наличие которой позволяет рассматривать любые различия как проявления вариативности этого феномена. Эта «фундаментальная характеристика

нации *sine qua non*» (с. 18) – наличие гражданского общества, которое автор понимает как общество многочисленного, экономически благополучного и самостоятельного, образованного среднего класса (с. 78). Он видит прямую связь между ростом образовательного уровня населения, укреплением среднего класса, становлением гражданского общества, сложением нации и перспективой утверждения демократического политического строя (с. 103). В то же время, демократия (или иначе республика), по мнению Д.М. Бондаренко, не является ни фундаментальной характеристикой нации, ни тем более неизменным условием ее сложения: «гражданское общество само по себе демократично, но может быть встроено не только в демократическое государство, но и в авторитарное» (с. 21), охватывая лишь отдельные сферы жизнедеятельности социума, а именно его аполитичную частную сферу. Не остаются без внимания и «темные стороны демократии» (по выражению М. Манна), а также риски, которые несет демократизация, навязанная сверху или извне граждански незрелому обществу. Так, показано, что демократизация политической системы вызывает рост этничности (с. 165), а введение многопартийности способствует проявлению «клановых, этнических, региональных противоречий в постколониальных обществах – их элитах и широких массах» (с. 91). В результате попытки построить национальные государства в постколониальных странах оборачиваются созданием этнократических режимов (с. 121). Да и «в сегодняшних либеральных демократиях декларируемое законами правовое равенство граждан маскирует их действительное социальное неравенство и олигархическую по сути власть» (с. 36). Коль скоро демократия/республика является лишь одним из видов гражданского общества, «нация вполне совместима с конституционной монархией, включая так наз. дуалистическую, в которой монарх обладает не только церемониальной, но и реальной политической властью, но делит ее с правительством и парламентом» (с. 134).

С точки зрения возможности построения нации реальный водораздел пролегает не между демократией и авторитаризмом, утверждает Д.М. Бондаренко, а между ними обоими и тоталитаризмом, поскольку «гражданские общества не могут существовать только в *тоталитарных государствах*» (с. 21), в которых происходит «подмена ключевого признака нации: лояльности индивида гражданской общности и индивидов друг другу как членам этой общности – лояльностью государству, отождествление нации с государством» (с. 72). Государство же при таких режимах «персонифицируется его главой, который <...> оказывается символом, живым воплощением, можно сказать, вместилищем души нации и гарантом благополучия каждого гражданина» (с. 98).

В контексте тоталитаризма автор рассматривает положение интеллигенции, которая возникает и существует именно там, где нет демо-

кратического гражданского общества и выступает как естественный агент гражданского самосознания, а потому в силу самой своей природы не может не быть маргинальной социальной группой в авторитарном или тоталитарном обществе, где ее культура и ценности чужды как большинству населения, так и власти. Трагедия интеллигенции, пишет Д.М. Бондаренко, «заключается не только в том, что она <...> вынуждена приспособливаться к категорически чуждой ей идеологии авторитарных и тоталитарных государств, но и в том, что она вынуждена служить неблизкому ей недемократическому государству. <...> Это порождает у интеллигенции непреодолимый соблазн влиться во власть, и в этом ее порыве трудно разделить мессианский порыв благодетельствовать народ <...> и готовность идти на компромисс с властью ради своего собственного благополучия» (с. 141–142).

Особенностью постколониальных государств является то, что они провозглашались в отсутствие наций, поскольку «в колониальном социуме индивид был отчужден от государства, власть была оторвана от народа, что блокировало становление демократического гражданского общества» (с. 72). Более того, во многих случаях колонизаторы не захотели или не смогли уничтожить важнейшие социальные и политические институты традиционных обществ: большую (расширенную) семью, общину как базовую форму социально-экономической организации, племена и вожества (с. 49–50).

Колониализм оставил и собственное наследие: расовую дихотомию, институализированную этничность, возведенную в ранг основной идентификационной категории; государственные границы, прочерченные произвольно, без учета культурных и языковых характеристик населения – и новоевропейскую по своему происхождению политическую систему. Поликультурность/полиэтничность характерна отнюдь не только для колониальных государств, однако только в колониальных государствах, пишет Д.М. Бондаренко, «объединителем, устанавливающим границы, отделяющие включаемых в них от соседей, выступала полития, внешняя по отношению к абсолютно всем объединяемым» (с. 51). Тем не менее эти искусственные границы были интериоризированы населением, которое сохраняет приверженность своей стране, даже когда государственные институты оказываются практически разрушенными (с. 63). Однако не будем забывать, что политическая лояльность государству еще не свидетельствует о наличии нации, и чтобы она сформировалась, необходимо выполнить чрезвычайно сложную задачу: в сжатые сроки сформировать на основе во многом случайных и разнородных конгломератов культур и социумов национальную культуру и гражданское общество (с. 61). Только в таком случае, настаивает Д.М. Бондаренко, привнесенные извне политические институты: партии, парламенты, выборы, перестанут играть чисто декоративную роль и наполнятся адекватным содержанием.

Рассматривая национализм и колониализм как феномены, имеющие между собой глубинную социоисторическую связь, определяющуюся их эссенциальной значимостью для эпохи модерна и ее культуры (с. 46), автор напоминает о том, что, хотя модерн не синонимичен вестернизации, именно Запад на несколько столетий определил социокультурную повестку для большинства регионов мира, и полагает, что «только сегодня мы становимся свидетелями завершения этой тенденции» (с. 45). Это проявляется, в частности, в том, что конструирование «традиции» и «современности» как противостоящих друг другу не-западной и западной общественных моделей, включая противопоставление нации как «прогрессивного» явления («архаическому») этносу, племени, ныне видится проявлением не научного, а политизированного, колониалистского мышления (с. 42–43, 59). Из сказанного следует вывод, что «“недосложность” наций во многих постколониальных странах проявляется не в неискоренности в их гражданах этнического сознания, а в недостаточной сформированности у них надэтнического – национального уровня сознания. И враг на пути его формирования – не этничность, а с одной стороны, трайбализм – и с другой стороны, тоталитарное государство, уничтожающее гражданское общество. Причем расцвет трайбализма и тоталитарность государства взаимосвязаны» (с. 256). Таким образом, Д.М. Бондаренко заключает, что «именно образование поликультурных наций, неклассических с точки зрения истории концепции нации и самой нации как явления, может оказаться доступным постколониальным странам» (с. 263). При этом «поликультурная нация может сложиться только при условии признания верховенства единого государственного права над культурными нормами отдельных сообществ. Это достижимо в светских государствах с развитым гражданским правовым сознанием» (с. 245).

Обосновывая одно из центральных положений книги – о том, что постколониальным является весь современный мир, а не только страны, прежде бывшие колониями, Д.М. Бондаренко отмечает, что деколонизация запустила процесс изменения содержания феномена и концепта нации вне собственно постколониальных стран, прежде всего – в Западной Европе (с. 211): из общности, основывающейся на культурном единстве ее членов, нация превращается в общность *мультикультурную*. Вслед за изменением культурной основы наций изменяются и другие столпы их существования: социальные (гражданские общества) и политические (национальные государства) (с. 217). Будущее последних автор связывает, с одной стороны, с возможной федерализацией административного устройства и политической системы (с. 249), с другой – с транснационализацией государства, которая «логично ведет к деабсолютизации государственного суверенитета» (с. 222). При этом он под-

черкивает, что «в постколониальных странах-донорах национальные сообщества уже на стадии сложения включают в себя экстерриториальность как важный признак» (с. 230), хотя формирование транснациональных идентичностей «не поспекает за транснационализацией государств и наций и тормозит этот процесс» (с. 231).

Хорошая книга отличается тем, что наводит на размышления, выходящие за рамки ее непосредственной проблематики. Так, отталкиваясь от рассуждений автора о тесной связи среднего класса с гражданским обществом и демократией, нельзя не задуматься как о сущности этой социальной категории, так и о ее положении в современном мире. Д.М. Бондаренко справедливо пишет о смехотворности попыток вычленения среднего класса на основании уровня дохода: критериальным признаком его является прежде всего экономическая самостоятельность и, как следствие, меньшая зависимость от государства. Поэтому вызывает тревогу то обстоятельство, что доля среднего класса даже в западных странах сокращается как в результате разорительных для него сменяющих друг друга кризисов, так и в результате его технологического замещения. Одновременно растет доля населения, не имеющего постоянной работы и живущего на различные пособия. Французский философ Андре Горц прямо сравнивает ситуацию в развитых странах с тем, что в прошлом имело место в колониях, а сегодня сохраняется во многих государствах так называемого третьего мира: все большее количество людей становятся фактически домашней прислугой у тех, кто получает достаточно высокий доход. Американский социолог Рэндалл Коллинз прогнозирует достижение уровня 50% структурной безработицы уже к 2040 г. Вкупе с инфляцией дипломов (все больше выпускников университетов не могут найти не только работу по специальности, но и вообще какую-либо работу) все это делает надежды на рост численности и влияния образованного среднего класса в значительной мере утопичными, тем более – в постколониальных странах с их ресурсной экономикой. Поскольку национальные государства – порождение модерна – были вызваны к жизни потребностями капитализма как мировой системы (по Валлерстайну), логично предположить, что диагностируемый сегодня глубокий структурный кризис этой системы предопределяет и структурный кризис национальных государств. Возможно ли в таких условиях успешное завершение формирования «недосложившихся» наций? Или грядущий миропорядок будет строиться на иных основаниях?

Елена Ивановна Филиппова

Сведения об авторе:

ФИЛИППОВА Елена Ивановна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: elena_filipova89@yahoo.fr

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Elena I. Filippova, Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russian Federation). E-mail: elena_filipova89@yahoo.fr

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 15 апреля 2023 г.;
принята к публикации 03 июня 2023 г.*

*The article was submitted 15.04.2023;
accepted for publication 03.06.2023.*